УДК 316.773.2:623

И. В. Леонов, О. В. Прокуденкова, И. В. Кириллов

Семантика военной коммуникации посредством боевой техники и поражающих элементов (сообщения между «своими») Статья 1

Статья посвящена рассмотрению особых форм коммуникации при помощи военной техники и поражающих элементов. В основной части раскрываются общие черты изучаемых коммуникаций, предлагается несколько способов их типологического ранжирования: по соотношению адресата и адресанта, средствам доставки и тематическому содержанию. Изложение и анализ фактографического материала строятся с опорой на все указанные типологии; в первую очередь согласно соотношению адресата и адресанта (в рамках данной статьи – сообщений между «своими»), с фиксацией тематического содержания выявляемых групп, а также с учетом фактора проявления специфики средств доставки «сообщений». Среди основных тем, реализуемых в анализируемых сообщениях, выделяются темы общенациональных обращений, намерений и направленности действий; отмщения – как личного, так и группового; образов предков; нанесение на военную технику фамилий и имен погибших соотечественников; и др.

Ключевые слова: война, вооруженный конфликт, коммуникация, тематический анализ, архетип

Ivan V. Leonov, Olga V. Prokudenkova, Igor V. Kirillov

Semantics of military communication by means of military equipment and striking elements (messages between «friends») Article 1

The article is devoted to the consideration of special forms of communication using military equipment and striking elements. The main part reveals the general features of the studied communications, offers several ways of their typological ranking, – by the ratio of sender and recipient, delivery vehicles and thematic content. The presentation and analysis of factual material is based on all of the specified typologies; first of all, according to the ratio of addresser and addressee (within the framework of this issue – messages between «friends»), with the fixation of the thematic content of the identified groups, as well as taking into account the factor of manifestation of the specificity of the delivery means of «messages». Among the main themes implemented in the analyzed messages, there are the topics of national messages, intentions and direction of actions; revenge – both personal and group; images of ancestors; drawing on military equipment the names of the dead compatriots; and etc.

Keywords: war, armed conflict, communication, thematic analysis, archetype
DOI 10.30725/2619-0303-2020-3-73-81

Перед тем как приступить к анализу заявленной темы, необходимо коснуться более широких предметных рамок, в границах которых высвечивается ее проблематика. Речь идет о таком явлении, как «военная культура», рожденном фактором войн и вооруженных конфликтов как одним из устойчивых атрибутов культурогенеза. Природа войн и вооруженных конфликтов во многом противоречит ценностно-смысловым установкам культуры в ее аксиологической интерпретации, но войны, к сожалению, являются достаточно устойчивым (а, возможно, и постоянным) аспектом человеческой истории. При всей своей очевидности и кажущейся простоте концепт военной культуры до сих пор не вполне разработан в гуманитарном знании.

Формулировка «военная культура» является весьма распространенной и привычной для восприятия широкой общественностью и научным сообществом. Надо отметить, что на обывательском уровне коннотации указанной формулировки нередко обретают смысловую нагрузку, связанную с отражением отдельных граней военной культуры как сложного, комплексного явления (например, правил ведения войн, выражения патриотических аспектов военной деятельности и т. п.). В плане академических акцентов общим рефреном изучения проблемы военной культуры является высокая степень внимания к ней со стороны различных социогуманитарных наук, область интересов которых в сфере познания культуры обозначается как «культуроведение» [1, с. 88–105; 2, с. 31–42]. Так проблематика военной культуры проявляется на уровне анализа ее локальных аспектов в таких науках, как история (включая военную историю), политология, социология, конфликтология, регионоведение, музееведение и других дисциплинах. Кроме того, особой областью рефлексии над проблемой военной культуры является ее осмысление на уровне художественной культуры, роль ко-

торой в сфере указанной проблематики исключительно велика.

Военная культура, будучи производной от определенного образа жизни (в частности, от военной деятельности), представляет собой сложный феномен, основанный на особых мировоззренческих, ценностно-смысловых и поведенческих установках, сложившихся в конкретных историко-культурных обстоятельствах бытования того или иного социума, связанного с войнами и вооруженными конфликтами. Данный феномен, будучи вполне определенным даже на взгляд обывателя, весьма конкретизированный в научных работах частно-дисциплинарного уровня (прежде всего, в трудах военных историков), нуждается в комплексном анализе, который вполне перспективно осуществить в рамках культурологии, одним из качеств которой является высокий уровень генерализации частно-дисциплинарного уровня исследований той или иной проблематики. Исключение в данном ряду составляет небольшое число исследований, например, труды В. Н. Гребенькова [3], рассматривающего военную культуру в широких предметных рамках, – в плане ценностно-смысловой направленности всего общества на защиту Отечества, но тем не менее оставляющих открытым вопрос фиксации ее системного строения, сложных внутренних и внешних связей, алгоритмов историогенеза и влияния деятельностных оснований. Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время существует насущная потребность концептуализации, системного осмысления деятельностных и аксиологических оснований, а также закономерностей развития военной культуры как целостного феномена.

Будучи сложным историко-культурным явлением, военная культура включает ряд стержневых компонентов, которые пронизывают основные этапы ее генезиса и, видоизменяясь и трансформируясь на протяжении времени, сохраняют свои устойчивые формы до наших дней. Специфика, иерархия и структурная обусловленность данных составляющих представляют собой перспективное направление исследований, реализуемое одним из авторов данной статьи.

Самостоятельный и весьма интересный аспект данной проблематики – изучение вопроса налаживания и осуществления бытующих внутри военных лагерей, а также между противоборствующими сторонами военных конфликтов коммуникаций (сама суть и предметные рамки которых во многом размыты) посредством боевой техники и поражающих элементов.

Указанный вид коммуникаций знаком практически каждому, кто соприкасался с военной историей, особенно с историей войн XX–XXI вв. Образы боевой техники и поражающих элементов, содержащие те или иные изображения и надписи, являются непременным атрибутом военной истории, что отражено в кино- и фотохронике, воспоминаниях очевидцев. Практически каждому нашему соотечественнику знакомы изображения танков с надписями «На Берлин!», «Отомстим за Ленинград!» и иными текстами воодушевляющего характера; изображения самолетов с рядами звездочек, обозначающими число сбитых вражеских машин; бомб и снарядов, тоже содержащих надписи, нанесенные солдатами и работниками тыла. Эти образы являются привычными в контексте освещения темы Великой Отечественной войны, представляя собой достаточно интересную область, достойную научного осмысления.

Изучение указанной области строится во многом на основе анализа фото- и кинодокументов, а также мемуарных источников. Внимание авторов статьи сфокусировано в первую очередь на Красной армии периода 1941–1945 гг. Отметим, что имеющиеся источники во многом обусловлены теми фильтрами, которые были установлены в военное время: ограничениями на использование фотоаппаратуры и цензурными ограничениями. Но даже имеющийся материал позволяет понять природу рассматриваемого феномена, включая его специфические черты и характерные проявления.

В первую очередь изучение заявленной проблематики предполагает фиксацию основных типов рассматриваемых коммуникаций. Анализ данного вопроса показывает, что по соотношению адресанта и адресата они делятся на два типа:

- между «своими»;
- между «своими и врагом».

Важно заметить, что указанное деление, будучи вполне четким и ясным в теории, в плане исторической реализации рассматриваемых коммуникаций принимает нечеткий характер.

На первый взгляд, то, что пишется и изображается на снарядах и боевой технике, в силу природы этих носителей и их направленности на врага должно содержать послание противоборствующей стороне. Тем не менее указанные средства достаточно часто выступают носителями прямых и неявных посланий между «своими». Порой, имея явно указанного адресата, такие сообщения неявно предполагают и наличие других получателей. Важно учитывать, что сфера бытования указанных посланий носит достаточно открытый характер и порой доступна как

своим, так и чужим. В результате адресат во многом «размывается» – сообщения между «своими» становятся доступными для восприятия врага, а многие сообщения для врага становятся доступными для своих, что рождает своеобразный коммуникативный парадокс – Кому на самом деле адресовано послание? Как следствие, в предлагаемой типологии вырисовывается третья группа – «сообщения всем участникам конфликта», с пространством которой пересекается весомая часть сообщений, изначально относимых к первой и второй группам, что усложняет типологизацию изучаемого феномена.

В результате часть сообщений, будучи явно адресована своим или врагу, создается и бытует с учетом их двойственного восприятия. К примеру, надпись на самолете, казалось бы, личного характера – «От Леночки за папу» – имеет явную направленность и на внутреннего адресата, и на врага. (9-летняя Лена Азеренкова, потерявшая во время войны и отца – военного летчика, и мать, написала письмо И. В. Сталину: «Я копила деньги на елку и накопила 110 рублей, которые прошу вас принять для построения штурмового самолета и передать его в полк 237, в котором служил мой папа, чтобы товарищи моего папы отомстили гадким немцам за смерть папы, за бабушку, она так много плачет, и за меня»; письмо было опубликовано в журнале «Огонек» [4, с. 5], и дети со всей страны начали присылать свои «конфетные» и «елочные» деньги; построенный на эти средства штурмовик «Ил-2» действительно был отправлен в 237-й штурмовой авиаполк, и по инициативе летчиков на самолет была нанесена процитированная выше надпись).

Тем не менее анализ рассматриваемых сообщений, содержащих разные акценты на адресатов, показал, что их весомая часть рассчитана на внутреннее восприятие, даже если речь идет о сообщениях «от своих – врагу». Наиболее ярко данный аспект связан с передачей сообщений неприятелю посредством боеприпасов – «корреспонденций», которые носят характер достаточно радикальных и прямолинейно выраженных обращений в адрес неприятеля (примеры: «Подарок Гитлеру», «В Берлин», «По рейхстагу», «За Черняховского»), но которые вряд ли будут восприняты последним при доставке послания. Также показательно, что значительная часть посланий на боевой технике, которая может визуально восприниматься врагом, опять же во многом рассчитана на «внутреннее» прочтение. С другой стороны, как уже было отмечено, многие послания между своими, транслируемые посредством военной техники и поражающих элементов, при отсутствии акцента на вражеский адресат становятся частью сферы «общения» с противоборствующей стороной. Так фронтовик Л. Н. Пушкарев, этнограф и фольклорист, который рассматривал надписи на военной технике как форму бытования военного фольклора, приводит характерную надпись: «Бьем фашистов в хвост и спину, злобный враг бежит к Берлину!» [5, с. 194], созданную в контексте общения между своими – что, впрочем, не исключало ее возможного прочтения врагом. Отсюда и возникает сложность обозначения четкого «водораздела» между двумя приведенными выше типами коммуникаций, которые сильно сплетены друг с другом в силу «открытости» представленной сферы «общения».

Другим способом деления рассматриваемых коммуникаций является их ранжирование по «средствам доставки»:

- боевая техника;
- поражающие элементы.

Указанный типологический признак интересен тем, что в рамках того или иного средства доставки проявляется особое тематическое содержание сообщений; тип носителя обуславливает размеры текстов и знаково-символическое своеобразие сообщений. Здесь важно указать, что любое средство доставки воспринимается определенной аудиторией, имеет свой размер, движется в определенной стихии и с определенной скоростью. И каждый из этих параметров, согласно маклюэнской традиции изучения природы коммуникаций, влияет на формы бытования, характер и содержание сообщений. К примеру, в воздухе, в силу фактора высоких скоростей, лучше воспринимаются крупные символы, образы и цветовые решения, а не буквенные тексты; отсюда масса символов и образов на фюзеляжах самолетов (например, летчик-истребитель Г. Бакхорн, один из асов люфтваффе, так описывал «коммуникацию» с советским пилотом: «Однажды, в 1943 году, так получилось, что мне пришлось на „Ме-109-г□ сражаться с одним русским на ЛаГГ-3. Кок его машины был выкрашен в красный цвет. Это был летчик из гвардейского полка. Это мы знали по данным нашей разведки. Бой продолжался около 40 минут, и я не мог его одолеть. Мы вытворяли на своих машинах все, что только знали и могли, и все же были вынуждены разойтись. Да, это был настоящий мастер!» [цит. по: 6, с. 51]). Бомба или снаряд крупнее винтовочного патрона – соответственно, они более пригодны для нанесения и демонстрации надписей. В данном случае проявляется фактор учета специфики средств доставки сообщений, поскольку военная техника и поражающие элементы являют собой различные формы коммуникации, а потому их содержание во многом определяется

названными формами. Так, надпись «Подарок Гитлеру» была совершенно невозможна на советском танке или самолете, но на снаряде или бомбе была уместна. Изучая надписи, которые бойцы Красной армии делали на снарядах и бомбах, можно сделать вывод, что эти надписи нередко носили более «неформальный», экспрессивный характер, чем тексты, которые наносили на боевую технику: такие тексты имели меньший период существования и могли быть восприняты меньшей аудиторией, с чем была связана порой фривольность их содержания. Надписи на боевой технике отличаются высокой информативностью и содержат выраженный акцент на «своих» в плане их восприятия. Ряд примеров, иллюстрирующий указанные зависимости, можно продолжить, однако в силу многогранности рассматриваемой темы уместно возвращаться к ним по ходу дальнейшего изложения материала.

Наконец, отдельного внимания заслуживает еще один способ типологического ранжирования изучаемых сообщений – их деления по тематическому признаку. Данный способ основан на применении «тематического анализа», одним из разработчиков которого на уровне философского знания является Дж. Холтон, а также М. Оплер, А. Коэн и В. Тэрнер, применявшие его в сфере науки о культуре. С одной стороны, в научно-философских работах представителей тематического анализа к «темам» преимущественно относятся некие фундаментальные постулаты или идеи, определяющие основные векторы познавательной активности человека, осваивающего мир в определенном историко-культурном контексте. Кроме того, на социогуманитарном уровне разработки указанного подхода темы предстают как своеобразные стержневые компоненты культуры, которые, видоизменяясь во времени и группируясь в определенные конфигурации, оказывают прямое влияние на культурную активность человека. Указанный подход, будучи близок традиции холизма, строится на выявлении определенных «когнитивных фокусировок», характерных для представителей той или иной культуры или ее отдельных сфер, позволяющих максимальным образом раскрыть ее сущность и своеобразие. Тем не менее, по справедливому замечанию Э. В. Измайловой, данный метод, заинтересовав лишь немногих ученых, широкого распространения не получил [7, с. 51].

Следуя указанному подходу, в изучаемых коммуникациях также можно выделить темы, которые устойчиво проявляют себя в ходе истории войн. Например, тема мести, тема образов предков и другие, которые мы рассмотрим ниже.

Таким образом, указанные три типа деления изучаемых коммуникаций (по соотношению адресата и адресанта, средствам доставки и тематическому содержанию) позволяют пролить свет на различные аспекты изучаемой проблематики, однако полной картины каждый способ в отдельности дать не может. Соответственно, далее уместно опереться на все указанные типологии, обращаясь к их эвристическому потенциалу, если это потребуется по ходу изложения материала. Тем не менее представляется, что целесообразно структурировать материал с опорой на деление согласно соотношению адресата и адресанта, выявляя при этом тематическое содержание указанных групп, а также обращаясь по мере необходимости к фактору проявления специфики средств доставки.

В отношении ***первого типа коммуникаций*** (между «своими») нужно отметить, что его основу составляют сообщения от работников тыла фронтовикам, а также внутрифронтовые сообщения. В рассматриваемой группе находит свое место проявление личного и группового общения, становящегося достоянием широкой аудитории, что непременно привносит в него и политико-идеологическую компоненту. Следует указать, что данные формы получили поддержку со стороны государства и были легитимизированы. Показательны в данном случае: открытка, на которой изображен краснофлотец со снарядом с надписью «За Родину!» на фоне боевого корабля (открытка «Поздравляю с Новым годом», худ. С. Боим, текст Б. Тимофеева); открытка, на котором изображена передача советским солдатам на заводе танка «Т-34» – на танк нанесена надпись «Смерть фашизму!», на открытке также имеется надпись «Тебе, фронт!» (худ. В. Щеглов, открытка из серии «Антифашистский плакат»); плакат неизвестного авторства, изображающий передачу фронту танковой колонны «Тамбовский колхозник» (на танки нанесена соответствующая надпись); обложку журнала «Фронтовая иллюстрация» за 1943 г. [8, с. 1], на которой представлен танк, построенный на деньги колхозников Ширмановых из Чувашии и переданный в часть, в которой воевал их сын – на башне танка сделана надпись «Подарок сыну»; перечень примеров (самые ранние из них относятся к 1942 г.) можно продолжить. Учитывая специфику устройства советского государства и чрезвычайное внимание, которое советское руководство в то время уделяло агитации и пропаганде, не вызывает сомнения то, что решение о легитимации и популяризации данных практик принималось на высшем уровне.

Среди тематических примеров указанного типа коммуникаций в первую очередь выде-

ляется *тема общенациональных обращений, намерений и направленности действий*: «Защитим завоевания Октября», «В бой за Родину», «Родина», «За Победу», «За Сталина», «Победа будет за нами» (примечательно, что несколько надписей «Победа будет за нами», нанесенных на бронетехнику, атрибутированы 1941 г.), «Советские герои», «Мать-Родина», «Вперед на Берлин», «Наш путь один! Вперед на запад!», «Слава нашим» и т. д.

Вторую группу обращений составляют послания, которые посвящены *теме мести – личной и групповой*. Сохранилось множество фотографий советской военной техники, на которую нанесены надписи данной тематики. Рассматривая эти фотографии, можно найти на них танк с надписью «Месть за брата-героя» (нанесена командиром танка М. Красиковым, который поклялся мстить за погибшего брата, Героя Советского Союза Н. Красикова), самолет с надписью «Мщу за друга Муратова» (принадлежал Герою Советского Союза Н. Архангельскому) и множество других надписей того же рода – «За Лешу Поющева», «За Жору Гурко», «За Отраднова», «За брата Шота», «Отомстим за смерть любимого командира гв. лейтенанта Ирзина», «За тебя, родной брат Ваня, мщу фашистскому зверью я», «За отца и мать», «Мстим за боевых подруг Таню Макарову и Веру Белик» (надпись на самолете «По-2» из женского 46-го гвардейского ночного легкобомбардировочного авиаполка, прозванного немцами «ночными ведьмами»). Помимо боевых товарищей, клялись отомстить за общесоюзных героев («За Зою Космодемьянскую», «За Олега Кошевого»), за родные города, регионы, республики («За Советскую Белоруссию», «Отомстим за Украину», «Мстители Донбасса», «Ответ Сталинграда», «За Советскую Молдавию», «За Советскую Грузию»; множество обещаний такого рода связано с Ленинградом – упомянем самолет дважды Героя Советского Союза В. Мыхлика с изображением на фюзеляже силуэта Петропавловской крепости и надписью «За Ленинград!»), за всю страну, за всех советских людей («Кровь за кровь», «Отомстим за замученных советских людей», «Смерть фашистским оккупантам», «Бей фашистскую гадину», «Смерть Гитлеру, слава нашим танкистам», «Отомстим за наших девушек»).

При изучении данного вопроса необходимо отметить, что тема *возмездия, отмщения* присутствовала как в советском пропагандистском дискурсе времен Великой Отечественной войны – что отразилось в многочисленных плакатах, открытках, газетных статьях, произведениях художественной литературы (в качестве примеров можно привести стихотворение К. Симонова «Убей его» («Если дорог тебе твой дом…») [9, с. 105–107] и публицистику А. Н. Толстого: «Смерть рабовладельцам» [10, с. 530–531], «Фашисты ответят за свои злодеяния» [10, с. 482–485]) и т. п.? так и в сознании советских воинов – что находило свое выражение, в частности, в надписях на военной технике и поражающих элементах. Но с самого начала войны советскими властями ставились четкие *ограничения* этой мести. Существовала установка, что необходимо следовать базовым принципам военной этики, необходимо принципиально иное, по сравнению с нацистскими захватчиками, отношение к пленным и к гражданскому населению занятых заграничных территорий и т. п. И эта установка претворялась в жизнь самыми разными способами: и с помощью политико-воспитательных мероприятий, и через широко растиражированные программные тексты советских руководителей («Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается» [11; 12]), и через художественные произведения, и, разумеется, посредством официально-правовой регламентации и через вынесение санкций в тех случаях, когда все-таки происходили эксцессы.

Представляется, что корни указанных манифестаций архетипически связаны с такими культурными формами, как клятвы, обеты. Обещание, данное себе, имеющее сакральное содержание и ритуализированную форму, с давних времен считалось имеющим чрезвычайную силу. Тем более если такое обещание давалось публично, что еще более обязывало выполнить его.

Следующую тему в рассматриваемом обзоре представляют *образы предков (в том числе государственных деятелей и полководцев)*. Еще с середины 1930-х гг. начался возврат отечественной культуры ко многим системообразующим аспектам собственной истории. Выходили фильмы, книги, агитматериалы, отсылающие к образам и символам, традиционным для русской культуры, к историческим личностям, служащим эталоном борьбы против врагов Отечества и т. д. Данная тенденция в годы Великой Отечественной войны получила большое развитие.

Изучая фотографии военных лет, можно увидеть танки с надписями «Михаил Кутузов», «Димитрий Пожарский», «Грозный» (в честь царя Ивана Грозного; танк построен на средства писателя А. Н. Толстого), танк и бронепоезд с надписью «Козьма Минин», бронепоезд «Илья Муромец» [13, с. 137–140] (у которого на одном

из вагонов, помимо соответствующей надписи, имелось изображение воина в старорусских доспехах и с мечом, но с пятиконечной звездой, серпом и молотом на щите; а на бронепаровозе – еще одна надпись «Илья МуромѢц» (именно так, с ятью), стилизованная под старомосковскую вязь, и эмблема: щит со стилизованными буквами «И» и «М», увенчанный старинным богатырским шлемом, и перекрещивающиеся меч и булава [14, с. 74]). Особенно много такого рода надписей было связано с именем великого русского полководца А. В. Суворова – «Суворов», «Суворов. Сломим шею фашизму», «Смерть немецким оккупантам. Суворов», «Русские прусских всегда бивали» (высказывание, приписываемое Суворову). Представляет интерес также фотография башни, сорванной с подбитого под Мемелем (Клайпедой) советского танка и ставшей временным могильным памятником; на башню нанесена надпись: «6.10.44. Здесь похоронены танкисты – суворовцы».

Помимо этого существуют (хотя их и не столь много) фотографии боевой техники, на которые нанесены фамилии красных полководцев времен гражданской войны и иных советских героев 1920–1930-х гг. – В. Чапаева, В. Чкалова и др.

В рамках советской культуры при весомом участии государства и при активном применении арсенала художественной культуры во времена Великой Отечественной войны создавался, корректировался и пропагандировался пантеон героев, в котором с красными командирами уживались некоторые князья, цари и полководцы былых веков – и такие установки принимались большей частью советского общества. Помимо танков с надписью «Димитрий Донской» (построенных на деньги, собранные Русской православной церковью), в РККА присутствовали танки с надписью «Чапаев». Существует фотография, на которой танк с надписью «Багратион» соседствует с танком с надписью «Щорс», – и подобное соседство многими советскими людьми воспринималось как вполне органичное; любопытно, что обе надписи нанесены шрифтом, стилизованным под старомосковскую вязь. *Великая Отечественная война воспринималось советскими людьми как «война всей земли». Вся отечественная культура «ополчилась» против гитлеровцев*.

Чрезвычайная обстановка потребовала, чтобы были мобилизованы все силы (и физические, и духовные), чтобы под ружье были поставлены и живые, и мертвые люди; символы, образы, относящиеся к самым разным периодам и направлениям отечественной культуры. Писатель А. Н. Толстой, создавший в 1941–1943 гг. повесть «Иван Грозный», писал: «Я вызвал из небытия к жизни великую страстную русскую душу – Ивана Грозного, чтобы вооружить свою «рассвирепевшую совесть» [15, с. 58]. Для защиты Отечества, для вооружения «рассвирепевшей совести» потребовались и апелляция к образу Грозного царя – и танк «Грозный» (который с боями прошел до Румынии).

Еще одну тему составляет *практика нанесения на военную технику фамилий и имен погибших соотечественников (общенациональных героев, однополчан, товарищей)*. Существует фотография, на которой запечатлен момент сборки танка БТ-5 на иркутском заводе тяжелого машиностроения им. Куйбышева; на танке сделана надпись: «Зоя Космодемьянская. Иркутск». Летчик И. Грачев в память о погибшем товарище написал на фюзеляже его имя: «Павел Степанович Большаков». Эту практику можно увязать с практикой занесения погибших героев навечно в списки личного состава воинских частей, зародившейся в императорской России и возрожденной в Красной армии.

В контексте рассматриваемых тем упомянем также чрезвычайно выразительное стихотворение К. Симонова «Безыменное поле» [9, с. 108–110], написанное летом 1942 г., когда вражеские войска рвались к Волге и на Кавказ. В этом стихотворении отступление осмысляется как национальная катастрофа, которая равно касается и живых, и мертвых. Поэт описывает, как мертвые солдаты былых эпох – петровские преображенцы, суворовские гренадеры, погибшие в Первую мировую войну сибирские стрелки – встают из могил и уходят вместе с Красной армией («они не хотят оставаться / в забытых могилах своих, / чтоб вражеских пушек колеса / к востоку ползли через них»). Мертвые солдаты в этом стихотворении выступают как полноценные акторы, которые «со срамом и яростью» воспринимают происходящее – и чье мнение является чрезвычайно значимым для живых:

Ты слышишь, товарищ, ты слышишь,
Как мертвые следом идут,
Ты слышишь: не только потомки,
Нас предки за это клянут.

Темы «равенства между жизнью и смертью», участия мертвых в защите Родины встречаются и в других военных стихотворениях К. Симонова: «Атака» [9, с. 97–98], «Смерть друга» [9, с. 103–104], «Фляга» [9, с. 114], а также в стихотворениях иных советских поэтов, написанных как в 1940-е гг. [16], так и в более позднее время («наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие – как часовые») [17]. Есть основания утверждать, что истоки указанных представлений о связи живых с умершими имеют глубокую укорененность в сознании представителей оте-

чественной культуры, устойчиво проявляясь на всех этапах ее генезиса.

Отдельную небольшую группу надписей составляют *надписи в честь деятелей отечественной культуры*. Упомянем танк с надписью «Николай Островский» и танк «Владимир Маяковский».

Довольно распространены были надписи, отражающие тему *региональной и социально-групповой самоидентификации военных* («Москва», «Сибиряк», «Донской казак»). Важно отметить, что в целом для военной культуры Новейшего времени стала характерна тенденция на нивелирование солдат: такая тенденция проявлялась, например, в стирании внешних различий в униформе, в стремлении одеть всех солдат в одинаковые шинели, снарядить одинаковыми винтовками и предметами амуниции, в установке на стирание имен собственных у частей и соединений и преобладание различных форм нумерации и т. п. Но человеческая природа упорно сопротивлялась подобной унификации, и солдаты многих армий пытались индивидуализировать себя. Красноармейцы стремились обозначить себя как индивидуально-определенных акторов с «лица необщим выраженьем», подобно старорусским богатырям («Меня, асударь, зовут Алешою Поповичем, из города Ростова старова попа соборнова [сын]» [18, с. 130]; «А зовут меня Илья Муромец сын Иванович, и проехал я дорогу прямоезжую из стольного города из Мурома, из того села Карачарова» [19, с. 23–24]) и многим другим эпическим героям. Представляется, что эта установка, основанная на стремлении бойца идентифицировать себя, имеет архетипическую природу.

Отдельного внимания достойна *практика нанесения надписей на военную технику и боеприпасы от работников трудового фронта, содержащих сведения об их региональной и профессиональной самоидентификации, а также пожелания и напутствия военным*. Сохранилось множество фотографий танков и самолетов с надписями такого рода: «Сверх плана братьям-уральцам», «Фронту на разгром фашизма», «За Ленинград! Ленинградские женщины – фронту» и т. д. Представляет интерес также фотография, сделанная во время Второй мировой войны в Великобритании: женщины-рабочие, которые готовят танк «Матильда» к отправке в Советский Союз, наносят на его борт надписи на двух языках («Greetings to allies in U.S.S.R.» и «Привет нашим союзникам в С.С.С.Р.»); представляется, что это следует считать частным случаем послания «от своих своим».

При этом фактор самоидентификации мог выражаться и в коллективной, и в индивидуальной форме. Во время Великой Отечественной войны была широко распространена практика постройки танков и самолетов на деньги, пожертвованные различными организациями, предприятиями и учреждениями, а также отдельными гражданами; при этом, как правило, на боевую технику наносились соответствующие надписи – «Тамбовский колхозник», «Байкальский рыбак», «Крамарев Ераст Федорович», «От джаз-оркестра Утесова», «От Ферапонта Головатого самолет на окончательный разгром врага» и т. п.; выше уже упоминался самолет с надписью «От Леночки за папу». Данное явление также можно отнести к теме *личного вклада в общее дело борьбы с врагом*, когда все, от мала до велика, участвуют в приближении Победы.

Общение работников тыла с фронтом так же, как и многие другие представленные выше темы, имеет по своей сути архетипическую природу и, например, может быть соотнесено с речевыми актами более ранних эпох, вплоть до плача Ярославны. С помощью этих посланий труженики тыла буквально «заклинали стихии», протягивали незримые (но неразрывные) нити между тылом и фронтом, демонстрировали единство тыла и действующей армии, подбадривали советских воинов. Представляется, что работники тыла в массе своей верили (как минимум реализуя указанные архетипические установки) в практическое действие этих посланий, своеобразных «гражданских молитв» и наставлений.

Отдельного упоминания (хотя она и не имеет прямого отношения к теме надписей на оружии и поражающих элементах) достойна практика отправки подарков в действующую армию, которая получила большое развитие в нашей стране во время Первой мировой и Великой Отечественной войн. Одним из самых распространенных подарков был кисет. На кисеты часто наносили надписи; анализируя эти послания, отметим, что они по своей структуре и содержанию были очень похожи на те надписи, которые работники военных заводов наносили на танки и самолеты: «Дорогой фронтовик гони немца на Берлин», «Жду с победой», «Бойцу смельчаку», «Дорогому воину», «Дар. Бей врага мой друг», «Привет герою», «Стреляй редко, да метко», «Падарунак салдату ат сяброўкі і сястры», «Родному бойцу», «Храброму бойцу Р.К.К.А. от Тани», «Убил гада – закурить надо», «После боя сять за кури», «По куремте друзья», «Подарок освободителю», «За защиту берегов Невы», «Привет от Люси уч 4г 5 шк. г. Киров 7го ноября 1944 г», «Ждем от тебя новых подвигов. Ульяновск пряд ф-ка» (во всех случаях сохранена орфография и пунктуация подлинников).

Изучение рассматриваемых «сообщений» показывает, что в пространстве коммуникаций между «своими» существуют и иные темы, в свою очередь порождающие внутренние тематические дифференциации и взаимопереплетения с другими темами. Так многие сообщения возможно отнести сразу к нескольким темам (например, достаточно сильно пересекаются темы самопрезентации и мести), а потому их использование в качестве примеров строилось на выявлении определенных тематических доминант, но не сведении данных сообщений к проявлению одной-единственной темы. Соответственно, представленный в статье перечень являет собой лишь один из вариантов их ранжирования и не является исчерпывающим.

Таким образом, коммуникация между своими посредством техники и поражающих элементов обнаруживает достаточно яркое проявление в тылу и на фронте, являясь частью военной культуры. При этом важно напомнить о тесной связи данного типа коммуникации с его другой разновидностью – «общении с врагом». Как следствие, сильная срощенность указанных форм общения и отсутствие четкой границы между ними позволяют говорить не о явном разделении коммуникаций между «своими» и между «своими и врагом» в контексте изучаемого вопроса, а о внутреннем смещении тематических и содержательных акцентов в посылаемых «сообщениях», которые позволяют отнести их преимущественно к одному либо к другому типу.

Рассмотренная группа сообщений является важной составляющей военной культуры, обеспечивая внутренние коммуникации воюющей стороны, выполняя интегративную, политико-идеологическую, мобилизующую и другие значимые функции, способствующие достижению общих целей в деле борьбы с неприятелем. Данные сообщения реализуют целый комплекс архетипических оснований, став устойчивым феноменом военной культуры.

Анализ *второго типа коммуникаций (между «своими» и «врагом») будет представлен в следующей части статьи*.

Список литературы

1. Мосолова Л. М. Общекультурная и гуманитарная подготовка в системе непрерывного педагогического образования // Подготовка специалиста в области образования: структура и содерж. Санкт-Петербург: Образование, 1994. С. 88–105.
2. Быховская И. М. Изучение культуры: горизонтали и вертикали // Александрова Е. Я., Быховская И. М. Культурологические опыты. Москва: РИК, 1996. С. 31–42.
3. Гребеньков В. Н. Военная культура российского общества: философско-культурологическая концепция: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Ставрополь, 2011. 35 с.
4. Огонек. 1943. № 4 (817). 16 с.
5. Пушкарев Л. Н. Очаги бытования фольклора и методика работы фольклориста-фронтовика // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2010. № 7 (78), вып. 14. С. 188–194.
6. Литвин Г. А. Я был воздушным стрелком. Симферополь: Таврия, 1990. 141 с.
7. Измайлова Э. В. «Тематический анализ» культуры детства: общая характеристика и перспективы применения // Человек. Культура. Образование. 2019. № 1 (31). С. 50–62.
8. Фронтовая иллюстрация. 1943. № 31. 8 с.
9. Симонов К. М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. Вольные переводы. Москва: Худож. лит., 1979. 670 с.
10. Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Москва: Гослитиздат, 1961. 711 с.
11. Приказ народного комиссара обороны 23 февраля 1942 г. № 55 // Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Москва: Воен. изд-во М-ва вооруж. сил СССР, 1948. С. 46.
12. Александров Г. Ф. Товарищ Эренбург упрощает // Правда. 1945. № 89 (9860). С. 2.
13. Коломиец М. В. Бронепоезда Великой Отечественной. Москва: Стратегия КМ, 2010. 304 с.
14. Коломиец М.В. Бронепоезда в бою 1941–1945. Москва: Стратегия КМ, 2010. 160 с.
15. Толстой А. Н. Краткая автобиография // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Москва: Правда, 1972. С. 47–58.
16. Твардовский А. Т. В тот день, когда окончилась война // Твардовский А. Т. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Москва: Худож. лит., 1978. С. 25–28.
17. Высоцкий В. С. Он не вернулся из боя // Высоцкий В. С. Собрание сочинений: в 4 кн. Кн. 2. Мы вращаем землю. Москва: Надежда-1, 1997. С. 121.
18. Алеша Попович // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 125–135.
19. Первая поездка Ильи Муромца в Киев // Илья Муромец. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 20–25.

References

1. Mosolova L.M. General cultural and humanitarian training in the system of continuous pedagogical education. Training of a specialist in the field of education: structure and content. Saint-Petersburg: Obrazovanie, 1994. 88–105 (in Russ.).
2. Bykhovskaya I. M. The study of culture: horizontals and verticals. Alexandrova E. Ya., Bykhovskaya I. M. Cultural experiences. Moscow: RIK, 1996. 31–42 (in Russ.).

3. Grebenkov V. N. Military culture of Russian society: philosophical and cultural concept: abstr. dis. on competition of sci. degree PhD in Philosophy: 09.00.13. Stavropol', 2011. 35 (in Russ.).

4. Ogonyok: magazine. 1943. 4 (817), 16 (in Russ.).

5. Pushkarev L. N. Foci of folklore existence and methods of work of a front-line folklorist. Scientific Bulletin of the Belgorod state University. Ser. History. Political science. 2010. 7 (78), iss. 14, 188–194 (in Russ.).

6. Litvin G. A. I was an air shooter. Simferopol': Tavria, 1990. 141 (in Russ.).

7. Izmailova E. V. «Thematic analysis» of childhood culture: gen. characteristics and prospects of application. Man. Culture. Education. 2019. 1 (31), 50–62 (in Russ.).

8. Frontline illustration. 1943. 31, 8 (in Russ.).

9. Simonov K. M. Collected works: in 10 voles. Vol. 1. Poetry. Poems. Free translations. Moscow: Khudozh. lit., 1979. 670 (in Russ.).

10. Tolstoy A. N. Collected works: in 10 voles. T. 10. Moscow: Goslitizdat, 1961. 711 (in Russ.).

11. Order of the people's Commissar of defense on February 23, 1942. № 55. Stalin I. V. About the Great Patriotic war of the Soviet Union. Moscow: Milit. publ. house of the Min. of the armed forces of the USSR, 1948. 46. (in Russ.).

12. Alexandrov G. F. Comrade Ehrenburg simplifies. Truth. 1945. 89 (9860), 2 (in Russ.).

13. Kolomiets M. V. Armored trains of the Great Patriotic War. Moscow: KM Strategy, 2010. 304 (in Russ.).

14. Kolomiets M. V. Armored trains in battle 1941–1945. Moscow: KM Strategy, 2010. 160 (in Russ.).

15. Tolstoy A. N. Brief autobiography. *Tolstoy A. N. Collected works*: in 8 voles. Vol. 1. Moscow: Pravda, 1972. 47–58 (in Russ.).

16. Tvardovsky A. T. On the day when the war ended. *Tvardovsky A. T. Collected works*: in 6 voles. Vol. 3. Moscow: Khudozh. lit., 1978. 25–28 (in Russ.).

17. Vysotsky V. S. He did not return from the battle. *Vysotsky V. S. Collected works*: in 4 bk. Bk 2. We rotate the earth. Moscow: Nadezhda-1, 1997. 121 (in Russ.).

18. Alyosha Popovich. *Ancient Russian poems, collected by Kirsha Danilov*. Moscow; Leningrad: USSR Acad. of Sciences, publ. house, 1958. 125–135 (in Russ.).

19. The first trip of Ilya Muromets to Kiev. *Ilya Muromets*. Moscow; Leningrad: USSR Acad. of Sciences, publ. house, 1958. 20–25 (in Russ.).